

[Рец на: / Review of:] П. В. Гращенко. *Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности*. М.: Издательский дом «ЯСК», 2018. 432 с. [P. V. Grashchenkov. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti* [Grammar of adjective. Typology of adjectivity and attributivity]. Moscow: YaSK Publishing House, 2018. 432 p.] ISBN 978-5-907117-48-8.

Даниил Борисович Тискин

Daniil B. Tiskin

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; tyskin@yandex.ru

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; tyskin@yandex.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.141-148

Как предполагается уже названием, рецензируемая монография П. В. Гращенко представляет собой попытку автора, чьи предшествующие исследования нередко были посвящены прилагательным, объединить предшествующие достижения и достичь обобщений, позволяющих говорить об универсальных структурных свойствах прилагательного и параметрах внутриязыкового и межъязыкового варьирования. Если считать, что грамматика — это морфология и синтаксис, то название книги адекватно ее содержанию: хотя синтаксис занимает в ней, пожалуй, центральное место, освещена и традиционно относимая к морфологии проблематика, а именно структурные различия между согласуемыми и несогласуемыми атрибутивными формами, поведение компаратива и образование сложных прилагательных. Учитывая же, что автор придерживается «конфигурационного подхода» к морфологии, при котором не только аналитически, но и синтетически выражаемые грамматические значения ассоциируются с отдельными функциональными проекциями в синтаксической структуре, морфологию прилагательного и вовсе нет смысла отделять от его синтаксиса.

Отправной точкой рассуждений автора является очевидное различие между языками мира, состоящее в том, что (а) не все они имеют класс лексики, специализирующийся на выражении признаков, и (б) языки, в которых такой класс лексики имеется, неодинаковы по объему этого класса и широте круга функций, которые обслуживаются им. Русский язык с этой точки зрения оказывается интересным объектом исследования, поскольку прилагательные в нем многочисленны, продуктивно образуются и обслуживают широкий круг функций. Материал русского языка интенсивно используется на протяжении всей книги, за исключением разделов, специально посвященных явлениям других языков; всего же указатель языков насчитывает 73 наименования.

Монография состоит из предисловия, четырех глав, заключения и служебных разделов (списка обозначений, списка литературы и списка языков, откуда почерпнуты примеры). В **предисловии** ставятся названные выше проблемы типологически ориентированного описания прилагательных и анонсируется одно из основных положений работы — противопоставление внутри класса прилагательных адъективов и атрибутивов.

В **первой главе** «Прилагательные в системе частей речи» разъясняется подход к выделению частей речи, основанный на маркированных и немаркированных употреблениях и берущий начало в противопоставлении «прототипических функций» слов различных частей речи [Norreg, Thompson 1984]; здесь же приводится список черт, которые автор считает характеристическими для класса прилагательных. Это способность к атрибутивному и предикативному употреблению, а также к образованию компаратива. Кроме того, на материале русского языка объясняется различие между исходно адъективными основами (*старый, хороший*) и основами, приобретающими черты прилагательных после

присоединения маркера — адъективизатора или атрибутивизатора, причем на примере суффиксов *-н-* (точнее, одного из омонимичных суффиксов с таким экспонентом; адъективизатор) и *-ск-* (атрибутивизатор) демонстрируется различие между двумя типами маркеров: только *-н-*, но не *-ск-*, образует единицы, систематически допускающие краткие формы, компаратив, дериваты с оценочным суффиксом (*человеченький*, **человечесенький*), отвлеченные существительные (*человечность*, **человеческость*) и наречия (*человечно* vs. **человечески*), а также не лишает основу способности иметь собственные актанты (*человечный* / **человеческий* к людям).

Вторая глава «Адъективность», которую автор считает центральной, посвящена основным синтаксическим функциям, которые выполняются прилагательные: приименной модификации, предикации, вторичной предикации и сравнительной функции. Рассматривая прилагательные в составе ИГ, Гращенков отказывается от картографического подхода к структуре левой периферии именной группы [Cinque 1993; 2010] и предлагает считать прилагательные адъюнктами именной группы, а не вершинами или спецификаторами особых проекций. Ключевой аргумент в пользу такого решения — устойчивая вариативность порядка прилагательных друг относительно друга (из теории Чинкве следует запрет на некоторые варианты порядка слов, вызванный сочетаемостными свойствами функциональных вершин). Автор приводит как известные из литературы, так и новые данные относительно такой вариативности в русском языке, полученные на основе материала [НКРЯ]; несмотря на возможность сформулировать иерархию, связывающую порядок прилагательных с их семантическим классом, доля порядка, отклоняющегося от основного, составляет «около 10 %» (с. 91) и не может быть списана на низкое качество данных. Кроме того, против трактовки прилагательных как функциональных вершин говорит и их способность иметь собственные комплементы (*довольный жизнью*), что приводило бы к необходимости признать за прилагательными способность иметь два комплемента: модифицируемую ИГ (ср. *довольный жизнью человек*) и комплемент, определяемый собственной способностью прилагательного к управлению (*довольный жизнью человек*), — что противоречит общим синтаксическим допущениям¹. Далее Гращенков переходит к обсуждению согласования в ИГ, избирая для его моделирования механизм просачивания согласовательных признаков от вышестоящей вершины (т. е. наследования, например, признака падежа, присущего именной группе в целом, вложенной в нее адъективной составляющей), и вводит в расширенную проекцию прилагательного вершину *adj*, ответственную за согласовательные признаки. Таким образом, выстраивается цепочка проекций, характерная для атрибутивных употреблений прилагательных: [_{adjP} [_{AP} [_{AdjP/AtrP} ...]]], где *A* — универсальная для языков мира атрибутивная вершина, *AdjP* — группа адъектива, а *AtrP* — группа атрибутива. Фактически прилагательным в морфологическом смысле автор считает единицу, специализированную в атрибутивной функции (всегда проецирующую *AP*).

¹ Напомним, что в рамках нескольких вариантов порождающей грамматики Н. Хомского начиная со статьи [Chomsky 1970] развивалась «X'-теория» (см. также [Тестелец 2001: 542–543, 559 и сл.]), согласно которой всякая максимальная проекция (наибольшая составляющая, имеющая основные сочетаемостные признаки, обусловленные свойствами вершины некоторого типа, например существительного, глагола и т. п.) реализует универсальный структурный паттерн, включающий, помимо вершины, позицию комплемента, в языках типа русского и английского расположенную за вершиной (своего рода обобщение представлений о валентности переходного глагола на прямое дополнение, предлога на именную группу и т. д.), и позицию спецификатора в препозиции к вершине (обобщение понятия о подлежащем). В связи с этим естественно говорить, что вершина расположена «выше» в дереве синтаксической структуры, чем любой материал внутри ее комплемента, а спецификатор, в свою очередь, «выше» вершины. Обозначения максимальных проекций строятся по модели *XP*, где *X* — обозначение категории вершины (например, глагол *V*, «легкий глагол» *v*, *N*, *Adj* и т. п.), а *P* (от англ. *phrase* ‘составляющая, группа’) — указание на максимальность.

Тот факт, что некоторые вершины, в частности *adj*, принимают в качестве комплемента только проекцию вершины *A*, означает, что у этой вершины есть собственный признак (назовем его [+A]), который может быть прописан в селективных свойствах *adj*. Именно ввиду необходимости этого признака для согласования заимствованные основы, даже адъективные в языке-источнике, должны проходить в русском языке рекатегоризацию с помощью суффиксов-атрибутивизаторов, таких как *-н-* и *-ск-*. Автор делает вывод о том, что предположение об акатегориальности (некоторых) основ, получающих синтаксическую категорию только при вступлении в синтаксические отношения [Borer 2014], в случае прилагательных опровергается: помимо неадъективных основ, функционирующих как прилагательных после атрибутивизации, существуют основы (корни), специфицированные как [+A] уже в лексиконе.

В разделе, посвященном прилагательному в функции сказуемого, противопоставляются языки с прилагательными и языки (например, нивхский и арчинский), в которых значения, выражаемые в русском языке прилагательными, выражаются стативными глаголами. Очевидно, что автора интересуют языки первого типа, и основное содержание раздела строится на русском материале. Используя преимущественно аргументы предшественников (существование неинтерсективных² прилагательных, невозможных в предикативной позиции, невозможность цепочки прилагательных в предикативной позиции типа **Дом был большой каменный*), П. В. Гращенков критикует попытки свести предикативные употребления полных форм русских прилагательных к атрибутивным, при которых для предикативных употреблений постулируют нулевую именную вершину. Помимо различий между *adj*P (согласовательной вершиной полной формы) и неспособной нести падежный признак *adj*K (для краткой формы), Гращенков указывает на различие между полными и краткими формами на следующем структурном уровне: у полной формы комплементом *adj* выступает атрибутивная вершина *A*, у краткой формы — результирующая вершина *res*; обе способны к комплементации адъективной группой *Adj*P, но только *A* способна брать вместо нее *Attr*P, поэтому атрибутивы не имеют краткой формы. Кроме того, расширенная проекция краткой формы в целом имеет внешнюю сочетаемость глагольной группы и способна сочетаться с вершиной *T*, тогда как полная форма требует посредника — вершины *Pred*: краткая форма подобна стативному глаголу, а полная сохраняет атрибутивные свойства. Поэтому в предикативном употреблении ПФ не может иметь зависимых (**Вася больной ангиной*): комплементом *Pred* может быть только *Attr*P, но не *Adj*P, чья вершина способна принимать комплемент. С *Attr* предложение грамматично: *Вася больной*; это один из случаев, когда адъектив и атрибутив совпадают в омоформе (*больной*). Запрет на *Adj*P связан, во-первых, с тем, что проверка согласовательных признаков *Adj* возможна только путем их просачивания из вышестоящей проекции, в этом случае *TP*; но *Pred*P, будучи фазой (что приходится просто допустить), согласно определению фазы, должна быть полностью сформирована и иметь все признаки проверенными еще до того, как будет спроецирована *TP*. Во-вторых, *Adj*, как и *Pred*, приписывает семантическую роль, что приводило бы к дублированию одной и той же роли на субъекте при попытке сделать *Adj*P комплементом *Pred*.

В разделе о вторичной предикации рассматриваются депиктивы (*Он пришел домой пьяный/пьяным*), результитивы (англ. *John hammered the metal flat*; Джон расплющил металл в лепешку) и аппозитивные модификаторы. Выделяются семантические различия между

² Интерсективными называются прилагательные, обладающие следующим свойством: множество объектов, которые можно охарактеризовать как *Adj* N для некоторого существительного *N*, является пересечением множеств объектов, характеризуемых, соответственно, как *Adj* и как *N* (для чего обе эти характеристики должны как минимум иметь смысл). Так, прилагательное *синий* интерсективно, поскольку всякая *синяя лента* является одновременно *синей* и *лентой*, но *формальный* (в *формальный синтаксист*) и *кажущийся* неинтерсективны, поскольку *формальный синтаксист* — это синтаксист, но не «такой, который формален», а *кажущееся* противоречие вообще не обязательно является противоречием.

депиктивом, «согласующимся» с модифицируемым именем (*Он пришел **пьяный**, Его привели **пьяного**; Ему дали подписать бумаги уже **пьяному***), и инструментальным депиктивом (*Он пришел **пьяным***). Последний, как полагает автор вслед за предшественниками, содержит поверх адъективной проекции вершину Pred, которая и приписывает инструменталис. «Согласуемый» же депиктив получает падеж собственного субъекта (вспомним, что адъектив проецирует собственный спецификатор), который затем поднимается в главную предикацию; падеж, приписанный ему в новой позиции, просачивается в зависимую предикацию. Такое решение является новацией рецензируемой работы; впрочем, для его технической реализации необходимо признать возможность «бокового передвижения» (*sideward movement*), т. к. позиция в главной предикации, куда передвигается субъект депиктивной предикации, не с-командует³ его исходной позицией. В отношении результатов новация работы состоит в том, что составляющая AdjP, называемая результирующее состояние (*flat* и *в лепешку* в примерах выше), является комплементом VP: AdjP проецирует собственный субъект, который затем поднимается в позицию спецификатора VP и становится объектом главной предикации.

Наконец, в разделе о компаративе Гращенков демонстрирует, что аналитический компаратив (типа *более возвышенный*) отличается от синтетического («морфологического») компаратива (типа *светлее*) и синтаксически, и семантически, в частности не обнаруживает отсутствующей у последнего пресуппозиции обладания свойством, обозначаемым основой прилагательного: *моложе* может применяться и для сравнения двух старцев, а *более молодой* предполагает возможность назвать субъекта сравнительной конструкции *молодым*⁴. В целом аналитический компаратив демонстрирует сочетаемость, близкую к сочетаемости положительной степени, и потому весь сравнительный оборот можно анализировать как адьюнкт Adj. Синтетический же компаратив формируется с помощью вершины Deg, чья вершина берет AdjP в качестве комплемента, а стандарт сравнения (типа *чем Вася*) в качестве спецификатора, после чего поверхностный порядок слов устанавливается передвижением формы компаратива в проекцию degP, доминирующую над DegP. AtrP не соответствует селективным требованиям Deg к комплементу, что описывается в традиционной грамматике как отсутствие (синтетического) компаратива у относительных прилагательных — разряда, приблизительно соответствующего (однозначным, не омонимичным какому-либо адъективу) атрибутивам в терминологии рецензируемой монографии.

Третья глава «Аргументная структура» посвящена моделям управления различных групп прилагательных. Помимо инвентаризации этих моделей и выделения особенностей управления, привносимых семантикой прилагательного, полной или краткой формой либо модификатором прилагательного, эта глава содержит существенное для общей архитектуры монографии обсуждение синтаксических позиций аргументов прилагательного. Один из разделов главы посвящен описанию сложных предикатов в осетинском языке, где сказуемое часто состоит из именной части (существительного или прилагательного) и легкого глагола: для стативных предикатов используется вспомогательный глагол *уын* 'быть', а для прочих — *канын* 'делать'. Значение осетинского материала автор видит в том, что

³ Неформально говоря, данный узел синтаксического дерева α с-командует своими «сестрами» — непосредственными составляющими той же составляющей, непосредственной составляющей которой является α , и всеми составляющими своих «сестер». Например, в структуре $[_\alpha [_\epsilon \beta \gamma]]$ узел α с-командует узлом ϵ , который, как и α , является непосредственной составляющей для δ , а также вложенными в ϵ составляющими β и γ . См., например, [Тестелец 2001: 118 и сл.].

⁴ Такова позиция автора рецензируемой монографии относительно «большинства прилагательных, обозначающих градуируемые признаки», подкрепляемая примерами (с. 194). Как отмечает анонимный рецензент «Вопросов языкознания», это положение может нуждаться в уточнении даже для прилагательного *молодой*, ср. пример рецензента: *Семь — архетип более молодой, чем три, но тоже весьма древний* (НКРЯ) или *Более молодые пенсионеры будут разумнее, ограниченнее пользоваться общественным транспортом, меньше по пустякам ездить куда-либо* (Google).

универсальная синтаксическая структура предикации, затемненная кумулятивным выражением различных компонентов структуры в языках типа русского, в осетинском видна лучше благодаря тому, что различные ее узлы заполняются различными единицами лексикона. Пользуясь предполагаемой универсальной структурой предикации по Дж. Рэмчанд [Ramchand 2008], Гращенков предполагает, что глагольная группа может иметь до трех структурных уровней: нижний (вершина *res*) имеет значение результирующего состояния и может иметь компонентом адъективную проекцию; средний (вершина *proс*) соответствует традиционной проекции VP и несет значение динамического события, приводящего к состоянию *res*; верхний (вершина *init*) соответствует более традиционной vP и обозначает событие каузации. Допуская, что с *res* ассоциирована лексема *уын*, с *proс* и *init* — две омонимичные лексемы *канын*, а при наличии одновременно нескольких проекций озвучивается глагол, ассоциированный с наиболее высокой из них, Гращенков объясняет дистрибуцию осетинских вспомогательных глаголов. Существенно, что перед нами та же проекция *res*, которую автор усматривает в структуре русской предикации с краткой формой прилагательного; это сближает краткую форму с различными акциональными и валентностными классами глаголов, каждый из которых проецирует большую или меньшую часть универсальной структуры «первой фазы» по Рэмчанд.

В четвертой главе «Атрибутивность: между лексиконом и синтаксисом» обсуждаются случаи деривации единиц с адъективной или атрибутивной семантикой из составляющих, являющихся фразовыми (а не терминальными) категориями. К таким относятся комитативные и каритивные зависимые в тех языках, где, как в бурятском или казахском, для атрибутивных употреблений не используется тот же показатель, что для оформления соответствующего прилагательного участника. Автор анализирует комитативные и каритивные атрибутивизаторы как реализации вершины A. Другой пример — фразовые атрибутивы (типа ‘черново-лосый’ или ‘длинноногий’) аваро-андо-цезских языков, где существительное может модифицироваться составляющей, вершина которой согласуется одновременно с модифицируемым именем и со своим семантическим актантом, расположенным внутри атрибутива. Согласно предлагаемому в монографии анализу, внутреннее согласование происходит, когда актант из компонента AdjP поднимается в Spec,AP, а затем в Spec,adjP; внешнее же согласование осуществляет еще один слой адъективных проекций, функционирующий аналогично структуре полной формы русских прилагательных. В этой же главе рассматриваются и два явления русской грамматики: образование сложных прилагательных (типа *одноэтажный* или *тонкостенный*) и генитив качества (типа *человек высокого роста*). Первые из них образуются путем атрибутивизации комплекса из нескольких основ, причем для русского языка действует ограничение на сложность комплекса: в нем может быть всего одно ветвление, что в общем случае соответствует не более чем двум основам (*трехсторонний* и *равносторонний*, но не **трехравносторонний*); единственным исключением оказываются сочиненные составляющие (*трех-*, *четырех-* и *пятиэтажные*). Гращенков объясняет это тем, что морфологический компонент грамматики испытывает затруднения при работе с фразовыми категориями, однако фатальными эти затруднения становятся не на первом шаге, а начиная со второго. Другое обобщение состоит в том, что сочинение зависимых компонентов, пример которого мы привели, возможно, но сочинение вершин типа **сталелавильный* и *-литейный* в русском языке запрещено. Что касается генитива качества, он анализируется как адьюнкт NP, представляющий собой группу атрибутивной вершины AP, чья широкая сочетаемость в данном случае проявляется в способности принять в качестве компонента NP (Гращенков отказывается считать генитив качества DP, поскольку он не допускает прономинализации: *человек высокого роста* нельзя заменить на **его человек*).

В заключении кратко суммируются основные результаты работы: универсальность вершины A, противопоставление Adj и Atr как ее возможных компонентов и доступность adj над A в языках с согласованием, способность Adj быть компонентом результативной вершины в предикативном употреблении прилагательных, способность Adj проецировать спецификатор, специфицированность некоторых основ в словаре как адъективных и т. д.

Как мы надеялись показать в обзоре содержания монографии, рецензируемая работа представляет собой опыт всестороннего исследования морфосинтаксических свойств прилагательного, приводящий к фундаментальным обобщениям относительно проецируемой прилагательным структуры, характерных для нее передвижений и механизмов заполнения этой структуры единицами лексикона (хотя из-за разнородности эмпирических проблем общую картину бывает трудно постепенно выстраивать и удерживать в памяти при чтении, несмотря на обилие параграфов, подводящих промежуточные итоги). Без какого-либо противоречия с этим общим впечатлением можно указать на ряд частных неясностей, обнаруживаемых в рассуждениях автора.

В исследовании ограничений на деривацию русских сложных прилагательных в главе 4 Гращенков сталкивается с необходимостью рассматривать сочиненные структуры типа [*двух-, трех- и четырех-*этажные любой длины как неиерархические, поскольку в противном случае они составили бы систематическое исключение из ограничения на число ветвлений. Вместе с тем существуют аргументы в пользу того, что в нормальном случае предшествующий конъюнкт имеет структурный приоритет над последующим (см., например, [Zhang 2010: 10–19]); если это верно, то решение Гращенкова делает «внутрисловную» координацию исключением уже из другой закономерности — иерархического характера сочинения.

Рассуждения автора о промежуточном положении сложных прилагательных («между лексиконом и синтаксисом»; «Русские сложные прилагательные образуются в лексиконе. Однако правила их образования фактически представляют собой отдельный подмодуль синтаксиса...» (с. 377)), как нам представляется, отличаются незавершенностью в том смысле, что не являют читателю законченной модели того, как результат по сути синтаксического процесса может затем поступать на вход лексикону и рассматриваться для нужд построения предложения как единая словоформа. Апелляция к конфигурационному подходу не решает всей проблемы, поскольку и он не устраняет различия между синтаксическими и постсинтаксическими процессами. Сюда же примыкает утверждение (с. 393) о том, что неупотребимость генитива качества без модификатора (**девушка красоты при* ^{OK} *девушка редкой красоты*) объясняется тем, что вершина А требует в качестве компонента сложной составляющей: если модификатор — это адъюнкт, то в синтаксисе он должен быть необязателен, если только он необязателен в семантике, тогда как эмпирически наблюдается как раз обязательность; если же процесс образования генитива качества считать не вполне синтаксическим и уподоблять процессу образования сложных прилагательных, то аналогия будет неполной: генитив качества не подчиняется ограничению на количество ветвлений, ср.: *Не так давно профессор Тиндаль ввел нас в новый мир, населенный воздушными формами вызывающей восхищение красоты* (Google). С другой стороны, здесь лежит одно из самых очевидных направлений дальнейших исследований, намечаемых монографией, и незавершенность теории вызвана, несомненно, комплексностью и недостаточной разработанностью самой проблемы.

Обосновывая адъюнктивную трактовку русских генитивов качества, П. В. Гращенков обращает внимание на неприемлемость вопросительного выноса из такого генитива: **Какого вам нравятся мужчины роста?*; тем не менее сама по себе эта неприемлемость вряд ли может быть достаточным аргументом, поскольку и для зависимых реляционного имени подобный вынос неприемлем: **Какого приехал отец ученика?*

Некоторые утверждения автора представляются слишком категоричными. Так, он высказывает чрезвычайно сильный тезис о том, что любая сочетаемость в словообразовании и словоизменении есть сочетаемость грамматическая (с. 131); при буквальном понимании это бы означало, что никакой (регулярный) сочетаемостный запрет не может иметь причиной, например, фонетические особенности сочетаемых сегментов. Утверждение о том, что «[о]ткрытым классом прилагательных русский обладает благодаря наличию в нем атрибутивности — продуктивной способности к образованию атрибутивных словоформ» (с. 70), также представляется слишком сильным: собственные примеры автора, такие как

специфичный или *идиотичный*, показывают, что и класс адъективов открыт для расширения за счет заимствованных основ; ср. также *зоологичнее, псевдофилософичнее, самоироничнее* (НКРЯ). Странным выглядит и замечание (с. 92–93) о том, что проявление ряда тенденций в определении порядка прилагательных уже в древнерусский период противоречит гипотезе (в частности, Т. Гивона), согласно которой «синтаксические иерархии и правила... являются продуктом языковой эволюции». Чтобы опровергнуть эту гипотезу, требовалось бы показать, что и до наступления древнерусского периода наблюдаемые тенденции уже имели место, т. е. фактически что они **никогда** не возникали; сам же древнерусский язык не в меньшей мере, чем современный русский, является «продуктом языковой эволюции», и вполне возможно, что соответствующие явления порядка слов возникли в еще более ранний период как раз таки как результат закрепления узуса в грамматике и попросту сохранились до сегодняшнего дня.

Вызывают вопросы отдельные примеры, используемые в аргументации. В некоторых случаях формы, приводимые в пример как неграмматичные, достаточно массово встречаются в корпусе: *подходящ* имеет 31 вхождение в основном корпусе НКРЯ, из которых большинство относится к языку XX–XXI вв., *вечнее* — 7 вхождений (все — в первой половине XX в.). Напротив, пример (254) *Квартира продавалась двухкомнатной* выглядит по меньшей мере неестественно; во всяком случае, для нас единственная возможная его интерпретация состоит в том, что квартира предполагается способной иметь разное число комнат в разные периоды времени. Некоторые вопросы вызывает пример (698с), представляющий собой список лексем *электродвижимый, молепожираемый, газоснабженный, снегозаваленный*, из которых, пожалуй, только первая встречается в выдаче Google сколько-нибудь часто, а вторая, по-видимому, не зафиксирована в доступных источниках, за исключением работ автора.

На с. 161 создается впечатление, что автор называет предикаты типа *хотеть* предикатами подъема, поскольку этот термин относится к примеру *Я не хотел уходить сам*. В то же время *хотеть* — типичный предикат контроля, ср. даже маргинально возможные расщепленные антецеденты в примерах типа *Серег, я хотел собраться в это воскресенье, то есть 5 июня* (Google). Со сходной проблемой, как нам представляется, мы сталкиваемся на с. 229, где оценочными названы глаголы *установить* и *радоваться*, хотя в их значение не включается оценка ситуации субъектом речи.

Помимо названных неточностей в терминологической номинации, можно говорить о нарушении симметрии в обозначениях: как *adj* обозначена вершина, которая берет в качестве комплемента не *AdjP* (что было бы параллельно парам *vP* — *VP*, *nP* — *NP*), а *AP*, а уже последняя может иметь в своем составе *AdjP* (и то необязательно, поскольку на ее месте может быть *AtrP*). Неясен выбор нотации в записи формы *пригож* как *приго<ш>* (с. 128): это не может быть фонематическая транскрипция МФШ, как заставляют думать угловые скобки [Князев, Пожарицкая 2011: 224], так что следовало бы выбрать квадратные или наклонные (если имелась в виду фонемная транскрипция Щербовской школы).

Присутствуют в монографии и опечатки: англ. *intelligent* в примере (88b) написано как *intellegent*, нем. *Mädchen* в (155b) под влиянием соседней глоссы отгlossировано как *de-revo*; при обсуждении аппозитивов материала типа англ. *stone wall* на с. 111 утверждается, что они остаются существительными и не превращаются в адъективные проекции, но при этом заявляется, что «признак *Adj* не меняется на *N*», тогда как по смыслу порядок должен быть обратным: обычный для слов типа *stone* признак *N* не меняется в аппозитивном употреблении на *Adj*. В переводах финских предложений в примере (261) сделан неудачный перевод с английского источника, в результате чего переводы двух неодинаковых по значению предложений выглядят как *Сойнту жарит рыбу сырой*. Вероятно, пропущен астериск в примере (509). В цитате из источника на с. 287 вместо *дуар ма кен* ошибочно второй раз напечатано *ма дуар кен*.

В целом, хотя для компоновки книги автором выбран «проблемно-ориентированный» подход и некоторые разделы посвящены отдельным явлениям отдельных языков,

основная — и неоспоримая — ценность рецензируемой монографии видится нам в стройной и широкой по эмпирическому охвату концепции синтаксических структур с прилагательными, к которой последующим исследователям предстоит обращаться для подтверждения, уточнения и критики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Князев, Пожарицкая 2011 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. *Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. [Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkii literaturnyi yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya* [Modern Standard Russian: Phonetics, orthoepy, graphics and orthography]. 2nd edn. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2011.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в обций синтаксис*. М.: РГГУ, 2001. [Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Borer 2014 — Borer H. The category of roots. *The syntax of roots and the roots of syntax*. Alexiadou A., Borer H., Schäfer F. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014, 112–149.
- Chomsky 1970 — Chomsky N. Remarks on nominalization. *Readings in English Transformational Grammar*. Jacobs R., Rosenbaum P. (eds.). Waltham (MA): Ginn, 1970, 184–221.
- Cinque 1993 — Cinque G. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. *Venice Working Papers in Linguistics*, 1993, 3(2): 21–40.
- Cinque 2010 — Cinque G. *The syntax of adjectives. A comparative study*. Cambridge (MA): MIT Press, 2010.
- Hopper, Thompson 1984 — Hopper P. J., Thompson S. The discourse basis for lexical categories in Universal Grammar. *Language*, 1984, 60(4): 703–752.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. C. *Verb meaning and the lexicon: A first-phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Zhang 2010 — Zhang N. N. *Coordination in syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.

Получено / received 29.07.2019

Принято / accepted 21.01.2020